

Солионов А.В.

ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК П.Н. ТКАЧЕВА ПОТЕНЦИАЛА МАССОВОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Аннотация: В статье анализируются ранние публикации П. Н. Ткачева, видного представителя народнического движения, написанные им в 1860-е гг. в период «Великих реформ» и посвященные проблемам права. Предметом исследования выступают закономерности генезиса и эволюция оценок мыслителя потенциала массового крестьянского правосознания. Доказывается факт поступательной эволюции его взглядов на эту проблему и выделяется окончательная точка этого процесса, свидетельствующая о том, что он полностью пересмотрел свои ранние положения, а также делается попытка объяснить причины столь значительных метаморфоз. В рамках данной публикации методологической основой исследования послужили следующие методы: историко-генетический и историко-сравнительный. основополагающим выводом проведенного исследования является тезис о том, что публикации революционера, посвященные участию народного элемента в суде присяжных, до 1865 г. и после него резко контрастируют. По мнению автора статьи, именно окончательное разрешение Ткачевым этого вопроса послужило основой для созданной им в эмиграции в 1870-е гг. политической доктрины, отрицавшей активную роль масс в революции как политической, так и социальной в пользу небольшой группы идейных революционеров.

Ключевые слова: Общество, крепостническая культура, суд присяжных, мировой суд, правосознание, судебная реформа, народничество, П. Н. Ткачев, власть, история.

Abstract: This article analyzes the early publications of Pyotr Tkachev, a prominent representative of the people's movement, written by him during the 1860's in the period of "Great Reforms" dedicated to the issues of law. The subject of this research is the regularities of the genesis and evolution of the thinker's assessment of the potential of the mass peasantry legal awareness. The author substantiates the fact of the gradual evolution of his outlooks upon this issue and highlights the final point of this process, which testifies that he completely reevaluated his earlier positions; an attempt is also made to explain the root causes for such substantial metamorphoses. The main conclusion of this research is the thesis that the revolutionary's publications dedicated to the participation of the public element in the jury trial greatly differ between those published before and after 1865. In author's opinion, namely Tkachev's complete resolution of this issue has served as the foundation for the political doctrine created by him during emigration in the 1870's, which rejected the active role of the masses in both, the political and social revolution in favor of a small group of ideological revolutionaries.

Keywords: Authority, Pyotr Tkachev, narodniks, judicial reform, legal awareness, magistrates court, jury trial, feudal culture, society, history.

Во всякой научной работе, где объектом исследования выступают воззрения личности, тщательному изучению подлежат не только закономерности генезиса ее взглядов, но и закономерности их эволюции. Для объективной оценки взглядов индивидуума, к чьему наследию проявляют интерес исследователи различных областей научного знания, порою и в совершенно разные исторические периоды, колоссальную значимость несет в себе процесс построения взаимосвязи между новыми открытиями и существующей оценкой в историографии.

Поэтому мы считаем необходимым в первую очередь акцентировать внимание на проблематике, слабо исследованной в историографии правовой науки, а именно, на анализе тех высказываний П. Н. Ткачева, которые прямо или косвенно касались перспектив

взаимоотношений государства и общества, влияния народного элемента на прямое и опосредованное отправление правосудия.

Участие Ткачева в широком общественном обсуждении судебной реформы в печатных изданиях стало его первым публицистическим опытом. Лишь в дальнейшем, начиная с конца 1865 г., в литературно-политическом журнале «Русское слово» он расширил сферу своих интересов от сугубо проблематики права до самых разнообразных вопросов, рассматриваемых различными общественными науками и экономикой и обратился к особенно прославившей его литературной критике. Тем не менее, несмотря на подобные «энциклопедические» масштабы, Ткачев демонстрирует себя не только как многогранно развитую личность, но и в высшей степени последовательную, не склон-

ную к перемене своих взглядов и релятивизму по части методологии, и именно такой его портрет вполне справедливо нам дает историография.

Однако в случае с некоторыми из своих правовых воззрений он продемонстрировал исключение из правила. Его ранним установкам предстоит стать предметом эволюции и, более того, впоследствии, в период эмиграции, они станут основанием его самостоятельной политической теории в народническом движении 1870-х гг.

Представляется, что именно хронологический анализ содержания его публикаций об институтах суда присяжных и мирового суда даст нам право утверждать о развитии мировоззрения революционера на протяжении периода 1862–1865-х гг.

В 1862 г. мы можем наблюдать у Ткачева следующие оценки потенциала народного правосознания. Среди требований, которым должен соответствовать мировой судья, он называет лишь доверие общества и грамотность, а не профессиональное юридическое образование и опыт. Апеллируя к историческому опыту сельских старост и волостных старшин, Ткачев отрицает необходимость специального образования для занятия должности мирового судьи. «Здравый смысл и сметка русского человека – вот все что тут надо», – уверенно пишет он; по его мнению, при участии судей из народа мировой суд лишь потеряет «тот кастовый, аристократический характер, которым так восхищаются многие из наших ученых псевдо-юристов московских и петербургских в Англии» [8, с. 90].

Процедура избрания судьи, полагал он, должна осуществляться депутатами, избранными пропорциональным числом от жителей волости без каких-либо сословных привилегий и, что особенно примечательно, мыслитель писал, что сама процедура должна способствовать «действительному сближению дворянства и крестьянства» и позволить «народу принять действительное, а не мнимое участие на выборах» [8, с. 90]. Противные же меры, по его словам, способны «сделать мировой суд непопулярным, ненавистным для народа, уничтожить в народе всякое к нему доверие, а мировой суд без доверия, опять повторю, худшая нелепость из всех нелепостей» [9, с. 78].

Действительно, значимость мировой судебной власти для развития правовой культуры посткрепостнического общества отмечали многие современники Ткачева. Например, В. П. Безобразов, в целом положительно встретивший реформу, пришедшую «на место призрака, именованного судебной властью», крайне резко осудил отведение крестьянских дел не мировому суду как для иных сословий и городского населения, а строго волостному, но он как раз исходил

из мнения о необходимости для народа мирового суда с профессиональными судьями, а не наоборот, как у Ткачева [1, с. 5].

Но что удивительно, после 1862 г. Ткачев уже ни разу не выскажется за непрофессиональных мировых судей из крестьянской среды, более того, мировой суд вообще исчезает из круга его интересов. Конечно, можно попытаться предположить, что Ткачев изначально не верил в народное правосознание, а на самом деле в контролируемой цензурой прессе вел соответствующую линию, лишь желая обратить против властей либерально настроенную по отношению к народу часть общества, но единственным аргументом в пользу данного предположения нам видится то, что Ткачев не обратился к вопросу о волостных судах при всей его актуальности в тот период, когда велась полемика об участии народного элемента.

Однако, мы полагаем, логичное объяснение кроется в том, что в институте волостного суда в 1862 г. и мирового в 1863 г. Ткачев уже видел «отрезанный ломоть», то есть, пройденный этап борьбы за народные интересы, закрепленный законодателем и уже не нуждающийся в активной поддержке прессы. И подобная оценка, учитывая новизну института волостного суда, введенного лишь за год до его публикаций о мировом суде, его неизученность, ввиду незначительного практического опыта, нам представляется единственно верной.

В 1863 г. Ткачев включается в обсуждение «Основных положений преобразования судебной части в России», касающихся института суда присяжных, и по-прежнему демонстрирует приверженность своим позитивным оценкам народного правосознания. Так, решительную критику Ткачева вызывает позиция славянофильской газеты «День» под редакторством И. С. Аксакова, в ряде публикаций которой, по мнению революционера, открыто отрицается необходимость данной формы суда, ввиду того, что «обязанность присяжного противна нравственному чувству русского простого человека», как пишет он, и предлагает славянофилам обратиться к истории земского суда, обратив внимание, что не он, а «его насильственно отстраняли, что от него насильственно отнимали судебную власть» [10, с. 105].

В то же время, обращаясь к позиции славянофилов, П. Н. Ткачев отчасти соглашался с их тезисом о несовпадении норм писанного формального права с народным правосознанием вплоть до противоположных оценок одних и тех же юридических фактов со стороны государства и крестьян. Но он, в противовес славянофилам, не считал «антагонизм между народным сознанием права и писанным законом»

препятствием для введения суда присяжных [10, с. 107]. Публицист лишь заявлял, что этот казус, напротив, наглядно свидетельствует о необходимости скорейшего учреждения вышеназванного института ввиду практической возможности нивелировать противоречия и примирить нормы позитивного права и народные обычаи, поскольку, утверждал он, именно господство чуждого народу формального права привело к тому, что «народ стал соболезовать, симпатизировать осужденным; слово преступник он заменил словом несчастный» [10, с. 108].

Однако, действительно позитивный сценарий примирения общества и закона Ткачев находил возможным лишь в случае допущения в число присяжных не только кандидатов, соответствующих высоким имущественным и образовательным цензам, но и подлинных представителей «среды народа простого, черного народа».

Показательно, что уже в своих статьях, начиная с 1863 г., Ткачев, отмечает и потенциальные недостатки суда присяжных и в дальнейшем его комментарии данной проблематики от публикации к публикации лишь расширяются, и постепенно они начинают становиться основным предметом содержания его новых работ. Он еще не готов отказаться от тезисов 1862 г., но уже начинает отмечать нюансы, называть условия, необходимые, по его мнению, для успешной реализации суда присяжных из представителей крестьянства. Публицист признает тот факт, что деятельность присяжного может быть не только обременительна для малоимущего и занятого хозяйством крестьянина, а также, что подобные условия могут сделать его легкой мишенью для злоумышленников, решивших купить голос [10, с. 108].

По мнению А. А. Демичева, именно финансово-невыгодная роль присяжного стала причиной широко распространенных нарушений имущественного ценза при отборе присяжных, к тому же, данное стечение обстоятельств привело к ситуации, когда самые малообеспеченные крестьяне в нарушение ценза становились присяжными и, как следствие, не имели возможности содержать себя во время процесса, что совершенно не способствовало повышению качества судопроизводства [3, с. 128-129]. Наилучшим средством для решения этой проблемы Ткачев считал возможность максимально избавить процедуру выбора присяжных от административной волокиты, а тем присяжным, которые терпят убыток по хозяйству, выделять компенсацию, при условии предоставления свидетельства со стороны общины [10, с. 110].

Позднее он развивает это положение и предлагает отводить издержки на содержание малоимущих

присяжных подсудимому, если он будет признан виновным, в противном же случае, при отсутствии осужденного средств или оправдательном приговоре, возлагать обязанность на земство [11, с. 30].

Предусмотрительное предложение Ткачева впоследствии получило некоторое развитие в прессе, но в ответ на конструктивные предложения в печати и даже попытки отдельных земств, пускай и по минимуму, субсидировать присяжных, совершенно не состоятельных экономически, со стороны государства лишь появилось определение Сената «О непризнании права за земскими собраниями назначать пособия присяжным заседателям» [7].

Радикальные перемены, связанные с отношением Ткачева к институту суда присяжных, мы отмечаем 1865 г., поскольку именно с этого временного этапа в его работах данный институт приобретает характер не юридического механизма, способного дать шанс выразиться объективному потенциалу народного крестьянского правосознания, а строго политического инструмента, санкционированного в свою пользу государством, который можно обратить на цели, совершенно чуждые самодержавию, но выгодные его противникам и жертвам. То есть, Ткачев по-прежнему отстаивает жизнеспособность данного института, но несколько в ином, в политическом амплуа. Однако он уже не заявляет напрямую, что суд присяжных является тем органом, который станет проводником «уголовного закона в духе народном» [15, с. 4]. Кроме того, исчезают из его статей рекомендации для законодателя, активно предлагаемые им ранее.

П. Н. Ткачев обратил внимание на позицию австрийского ученого Антона Гуэ-Глунека, вопреки К. Миттермайру, доказывавшего, что юридическое начало у присяжных – непрофессионалов отсутствует (он не верит ни в присяжных пролетариев, ни в присяжных буржуа) и они препятствуют профессионализму и букве закона, которую должны исполнять судьи и юристы, и потому, институт присяжных несет в себе не более, чем политическое начало [2, с. 166, 599-600].

С последним утверждением о политическом начале Ткачев всецело согласится, а с первым – отчасти. «Разве они могут возвыситься до понимания социального значения преступления, как неизбежного следствия общественных условий?», – задает риторический вопрос революционер и порывает с прежними оценками и верой в народное правосознание; но принимая подобный тезис, объясняет, что в российских реалиях на текущий момент видит в этом институте меньшее зло, чем суд, полностью подчиненной государству, суд, который оппозиция совершенно точно

не сможет склонить в свою пользу, в отличие от суда присяжных[13, с. 51-52].

Нельзя не отметить, что подобная оценка Ткачева оказалась совершенно точной и весьма прозорливой. По мнению И. Я. Фойницкого, высказанному им в 1879 г. по поводу влияния дела В. И. Засулич на государственную политику, законодатель, вводя институт присяжных, изначально возлагал на него надежду избавления государства от политического значения судопроизводства и передавал его под ответственность самого общества; теперь же, «их сменило опасение за надлежащее отправление правосудия и за сообразный с государственными интересами исход уголовных процессов» [17, с. 46].

При детальном рассмотрении публикаций Ткачева после его окончательной оценки суда присяжных как политического инструмента, отчасти доступного оппозиции, становится понятным, что речь уже идет совсем не о чувстве справедливости и смекалки, характерной для простого русского человека и не о присущей ему качественной правовой культуре, как ранее, а скорее, ее отсутствии и необходимости ее долгосрочного формирования посредством правового просвещения. Рассуждая о тех характеристиках, которым должен соответствовать присяжный, Ткачев начинает отмечать и необходимость определенной просвещенности в вопросах уголовного права, опыта и хотя бы некоторого минимума знаний о судебной медицине и психологии. Публицист признавал, что желать удовлетворения всех рекомендуемых им характеристик слишком самонадеянно, но присяжные, считал он, должны быть настороже и всегда быть скептиками. Совершенно же не удовлетворяющие этим требованиям «будут и останутся слепыми и безгласными орудиями в руках судей и адвокатов, такие присяжные совершенно бесполезное и ненужное украшение в судебной зале» [12, с. 98-100].

Таким образом, нетрудно заметить, что образ «мужика» в роли подходящей кандидатуры присяжного у Ткачева трансформируется в образ более просвещенного человека. Последний раз Ткачев обращается к теме суда присяжных в 1868 г. и то, вскользь: он уже с интересом рисует картину суда будущего как «нравственно-медицинского» учреждения, явно не совместимого с современными ему самодержавными реалиями[14, с. 45].

Несмотря на это, мы не считаем нужным говорить о качественном витке развития воззрений Ткачева на перспективы народного правосознания. Активная фаза эволюции взглядов публициста на данную форму общественного сознания протекала в 1862–1865-е гг. С конца 1865 г. взгляды Ткачева по этому вопросу не

изменились, а в дальнейший временной период лишь наличие или отсутствие цензуры в печати характеризовало эмоциональную, но не аксиологическую сторону содержания его публикаций.

«Мы должны навсегда вычеркнуть из своего словаря пошлые и бессмысленные фразы о каком-то народном гении, фразы, взятые нами напрокат у реакционеров-славянофилов», – напишет Ткачев в эмиграции на страницах «Набата», словно извиняясь за свои самые ранние публикации, в которых он увидел в народе большего «гения», нежели сами славянофилы, в корне отрицавшие необходимость новых судебных учреждений[16, с. 168-169]. Но, что особенно важно, его разочарование в потенциале народного правосознания распространится и на политическую сознательность масс, и данная установка станет исходной в его последующей полемике с политическими оппонентами по революционному движению. Контраст воззрений Ткачева до 1865 г. и после, очевиден. Поэтому необходимо прояснить основания, которые, как нам представляется, легли в основу метаморфоз его ранних тезисов.

И. А. Ильин, несомненно, высказал аксиому, когда отметил, что «право нуждается в правосознании для того, чтобы приобрести предметную основу и объективную верность» [5, с. 40]. Проблема общественного сознания, построенного на иерархических началах, плохо совместимых с основными принципами гражданского общества, с середины 1870-х гг. стала совершенно очевидной, пестрела негативными примерами и немало обсуждалась в печатных изданиях тех лет. В дополнение, после неутешительных итогов «хождения в народ» многие исследователи в России, в том числе оппозиционно настроенные к самодержавию, пытались найти объективные причины неудач народного просвещения, обратились и к анализу правосознания российского крестьянства.

Мы полагаем, что некоторые из тех выводов, к которым они пришли, анализируя народное участие в осуществлении судопроизводства, наиболее точно отразили причины перелома в мировоззрении Ткачева к 1865 г. Именно эти выводы послужили основой для его критики существующего уровня общественного сознания российского крестьянства и попыток его просвещения в частном порядке, пропагандируемых П. Л. Лавровым и М. А. Бакуниним.

Наиболее приближены к окончательным выводам Ткачева, по нашему мнению, концепции представителя позднего народничества К. Кочаровского и уже в меньшей степени, этнографа А. Я. Ефименко.

К. Кочаровский выделял два пласта общественной культуры у российского крестьянства,

различных по происхождению, но неизбежно вошедших в симбиоз и отразивших уровень правосознания к началу великих реформ. По его мнению, основой первого пласта явилось крепостническое государство, а второго, более древнего, устои общинной культуры, но в России последняя смогла существовать параллельно с первой, в отличие от Запада, лишь ввиду попустительства властей «за отсутствием сильной культуры в социальных верхах» [6, с. 16-17]. Этот сплав культур, полагал Качаровский, и стал предметом спекуляций славянофилов. И как нам думается, значительного числа народников (в том числе и Ткачева до 1865 г.), видевших в общинном пласте положительную часть культуры, порожденной коллективистскими ценностями, но не замечавших того влияния, которое наложила на общественное сознание народа культура крепостнического рабского государства. По сути, уже исходя из позиции о двусторонности общественного сознания, писал Ткачев свое открытое письмо Ф. Энгельсу в 1874 г. и в дальнейшем он развивал этот тезис в публикациях «Набата».

А. Я. Ефименко рассуждала о данной проблеме несколько иначе, ставя во главу угла категорию свободы. «Два противоположенных начала господствуют в жизни русского крестьянства. Одно – продукт древнейших эпох народной жизни – начало патриархальное, родовое, подавляющее личность; другое – результат дальнейшего развития народа, приспособившегося к окружающим его условиям, – начало экономическое, трудовое, стремящееся вызвать к жизни самостоятельную личность», – объясняла она [4, с. 122]. Специфика отличий российского

правосознания от западноевропейского, по мнению Ефименко, заключалась в том, что «Русское общество складывалось иначе. Оно выросло патриархально, под давлением лишь внешних условий, без борьбы элементов внутри себя; и не ею определялся ход нашего развития» [4, с. 179]. Но что особенно сближает Ткачева с Ефименко: он и в первобытно-общинной культуре, даже без влияния крепостничества, видел лишь проблески коммунизма, предпосылки и не более того, поскольку патриархальные начала в общинной семье они оба считали формой эксплуатации. Но с другой стороны, если она видела положительные моменты для прав и свобод в развитии идеологии индивидуализма как части процесса построения капитализма, то Ткачев этому противился.

Исходя из вышеизложенного анализа, мы предлагаем выделить два этапа в публицистике П. Н. Ткачева по вопросам права: первый этап, начиная с первых его публикаций и до конца 1865 г. и второй – после, а критерием их разграничения считать перемену оценок Ткачева в отношении потенциала народного правосознания.

Объективная реальность судопроизводства с широким участием представителей крестьянства оказалась далекой от представлений Ткачева в первой половине 1860-х гг., и его знакомство с этим фактом повлияло на его взгляды не только как юриста, но и как политика. Представляется, что именно разочарование в крестьянском крепостническом правосознании русского народа приводит Ткачева к окончательной радикализации и тому образу лидера «Набата», который как раз широко и представлен в историографии.

Библиография:

1. Безобразов В. П. Мысли по поводу мировой судебной власти. – М., 1866. С. 5.
2. Гуэ-Глунок. О суде присяжных. – СПб., 1865 г. – 360 с.
3. Демичев А. А. История суда присяжных в дореволюционной России (1864-1917 гг.) – М., 2007. С. 128-129.
4. Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, Вып 1. Обычное право. – М., 1884. 382 с.
5. Ильин И. А. О сущности правосознания. – М., 1993. С. 40.
6. Качаровский К. Народное право. – М., 1906 г. С. 16-17.
7. Определение Сената «О непризнании права за земскими собраниями назначать пособия присяжным заседателям». 5 сентября 1873 г. // Собрание узаконений и распоряжений, издаваемых при Правительствующем Сенате. СПб., 1873.– № 92.– Ст. 1159.
8. Ткачев П. Н. О мировых судьях (По поводу «Писем из деревни» Сумарокова. «Отеч. зап.», 1862, № 6). // Время. № 7. 1862. С. 90
9. Ткачев П. Н. Мировой суд по смыслу «Главных оснований для проектов гражданского и уголовного судопроизводства и судоустройства». // Время. № 11. 1862. С. 78.
10. Ткачев П. Н. Наши будущие присяжные. Современное обозрение. // Время. № 4. 1863. С. 105-110.
11. Ткачев П. Н. О вознаграждении присяжных. // Библиотека для чтения. № 8. 1864. С. 30.
12. Ткачев П. Н. Для наших будущих присяжных (Юридические заметки). // Библиотека для чтения. № 5. 1865. С. 98-100.
13. Ткачев П. Н. Библиографический листок. (Гуэ-Глунок. О суде присяжных. – А. Бернер. О смертной казни. – К. Миттермайер. Смертная казнь по результатам научных исследований, успехов законодательства и опытов). // Русское слово. № 11. 1865. С. 51-52.

14. Ткачев П. Н. Новые книги (И. Ренненкампф. Очерки юридической энциклопедии, А. Градовский. История местного самоуправления в России. Глазер. О влиянии суда на приговор присяжных.) // Дело. № 9. 1868. С. 45.
15. Статья Ткачева «О современных вопросах уголовного права». // ГАРФ ф. 95, оп. 2, ед. хр. 88. Л. 4.
16. Ткачев П. Н. Народ и революция. // Соч. в 2 т. – М., 1975. Т. 2. С. 168-169.
17. Фойницкий И. Я. Оправдательные решения присяжных заседателей и меры к их сокращению. // Журнал гражданского и уголовного права. № 6. 1879. С. 46.

References (transliterated):

1. Bezobrazov V. P. Mysli po povodu mirovoi sudebnoi vlasti. – M., 1866. S. 5.
2. Gue-Glunek. O sude prisyazhnykh. – SPb., 1865 g. – 360 c.
3. Demichev A. A. Istoriya suda prisyazhnykh v dorevolutsionnoi Rossii (1864-1917 gg.) – M., 2007. S. 128-129.
4. Efimenko A. Ya. Issledovaniya narodnoi zhizni, Vyp 1. Obychnoe pravo. – M., 1884. 382 s.
5. Il'in I. A. O sushchnosti pravosoznaniya. – M., 1993. S. 40.
6. Kachorovskii K. Narodnoe pravo. – M., 1906 g. S. 16-17.
7. Tkachev P. N. O mirovykh sud'yakh (Po povodu «Pisem iz derevni» Sumarokova. «Otech. zap.», 1862, № 6). // Vremya. № 7. 1862. S. 90
8. Tkachev P. N. Mirovoi sud po smyslu «Glavnykh osnovanii dlya proektov grazhdanskogo i ugovnogo sudoproizvodstva i sudoustroistva». // Vremya. № 11. 1862. S. 78.
9. Tkachev P. N. Nashi budushchie prisyazhnye. Sovremennoe obozrenie. // Vremya. № 4. 1863. S. 105-110.
10. Tkachev P. N. O voznagrazhdenii prisyazhnykh. // Biblioteka dlya chteniya. № 8. 1864. S. 30.
11. Tkachev P. N. Dlya nashikh budushchikh prisyazhnykh (Yuridicheskie zametki). // Biblioteka dlya chteniya. № 5. 1865. S. 98-100.
12. Tkachev P. N. Bibliograficheskii listok. (Gue-Glunek. O sude prisyazhnykh. – A. Berner. O smertnoi kazni. – K. Mittermaier. Smertnaya kazn' po rezul'tatam nauchnykh issledovaniy, uspekhov zakonodatel'stva i opytov). // Russkoe slovo. № 11. 1865. S. 51-52.
13. Tkachev P. N. Novye knigi (I. Rennenkampf. Ocherki yuridicheskoi entsiklopedii, A. Gradovskii. Istoriya mestnogo samoupravleniya v Rossii. Glazer. O vliyaniy suda na prigovor prisyazhnykh.) // Delo. № 9. 1868. S. 45.
14. Stat'ya Tkacheva "O sovremennykh voprosakh ugovnogo prava". // GARF f. 95, op. 2, ed. khr. 88. L. 4.
15. Tkachev P. N. Narod i revolyutsiya. // Soch. v 2 t. – M., 1975. T. 2. S. 168-169.
16. Foinitskii I. Ya. Opravdatel'nye resheniya prisyazhnykh zasedatelei i mery k ikh sokrashcheniyu. // Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava. № 6. 1879. S. 46.